

**Лист учасника ліквідації наслідків аварії на ЧАЕС
про виробничий процес та побут
на атомній електростанції**

10 листопада 1987 р.

Конечно, все впечатляло — и дорога в Чернобыль, КПП при въезде в 30-километровую зону, знаки на дорогах «обочина заражена», «въезд на обочину запрещен», незаезженные поля, заросшие бурьяном, пустые деревни, сам Чернобыль, весь перегороженный полосатыми ограждениями, с пустыми домами и заросшими домами, людьми на улицах либо в военной форме, либо в спецодежде с обязательными дозиметрами на груди, потом КПП при въезде в 5-ти км. зону и наконец сама станция, ее какой-то противоестественный силуэт. Впечатляет, особенно если представишь, что здесь было год назад.

Сейчас ситуация потеряла свою былую остроту. Сам 4-ый блок (вернее то, что от него осталось) сейчас укрыт «саркофагом», территория станции вся покрыта 2-х метровым слоем песка и гравия, и заасфальтирована (подъездные железнодорожные пути, которые были естественно на насыпи, теперь лежат ниже уровня асфальта). Почти во всех помещениях произведена дезактивация, очищены, т. е. фактически, перестелены крыши.

Уровни на площадке станции сейчас в среднем 10–20 мр/час, в помещениях 2 мр/час (для справки: естественный фон 10÷20 мр/час, допустимая мощность дозы для ограниченной части населения 0,1 мр/час, для профессионалов (категория А) — 2,8 мр/час). Из «острых» объектов остался один машзал 4-го блока. На его крыше уровни достигают 100 р/час. По-моему, пока толком никто не знает, что с ним делать. Но сейчас чистят его крышу. Работы здесь еще, конечно много. Но она уже не такая эффективная. Поэтому высокое начальство управления, которое здесь ведет работу по ликвидации аварии, пытается свернуть свои дела и отрапортовать об окончании (в основном) к празднику. Внизу, это чемоданное настроение чувствуется, и работа делается тяп-ляп. Все начальство, от мастеров и прорабов, до начальников районов регулярно пьют, хотя на территории 30-км зоны сухой закон и при въезде в зону на КПП милиция проверяет багаж и чуть-ли не обыскивает.

Большая часть рабочих здесь, так называемые «партизаны». Их призывают на военные сборы для переподготовки, а потом отправляют сюда на 2–3 месяца. Жизнь у них полувоенная и конечно, добровольностью здесь и не пахнет. Но есть и гражданские. Платят здесь даже сейчас прилично 1000–2000 и больше руб. в месяц так, что желающие есть. Особенно сейчас, когда радиационная обстановка здесь довольно приличная.

Картина нравов здесь весьма любопытная. Бюрократический аппарат довольно многочисленен (число, собственно работающих уменьшается, а количество руководителей и работников всяких служб не падает). Естественно всем — и маленьким начальникам и большим, и особам к ним приравненным по тем или иным причинам — зарплата оформляется так, как будто они постоянно работают на станции. Дело в том, что здесь введен зонный коэффициент, на который умножается оклад: на самой станции 5–7, в Чернобыле 2. На самом деле немногие из них вообще бывают на станции, а кто бывает, то конечно не 6 часов в день. Этим ребятам, я думаю, очень не хочется, чтобы эта благодать кончалась. Тем более, что халтурить и бездельничать под крышей «особого режима» (как это не парадоксально) по крайней мере, сейчас, весьма удобно.

Поскольку ходить в штатском, здесь в Чернобыле, не принято (на станции, так просто запрещено), то сложился уже своеобразный Чернобыльский стиль одежды. Высшим пиком считается ходить «в афганках» (форма одежды ограниченного воинского контингента Советских войск в Афганистане). Они, как и другая спецодежда, поступают сюда в больших количествах, но на всех, конечно не хватает. Поэтому ходят в них начальники, те кто с ними пьет, работники всяких отделов — кадров, снабжения, канцелярии, бухгалтерий, мадамы, которые (извини) спят с начальством, и т. п. Ведут они себя здесь (по крайней мере среднее руководство) довольно заносчиво — по-видимому в чем-то копируя поведение своих предшественников, на чью долю досталась действительно горячая работа. Но при малейшем встречном давлении откатываются — я думаю, чувствуют, что деньги свои не отрабатывают, терять место не хотят, а мощной круговой поруки образоваться здесь не успевает из-за текучести кадров. Хотя, своеобразные ведомственные мафии, здесь уже образовались. Например, в отделе дозиметрического контроля, где мы работаем, плотно засела команда из Арзамаса.

Работа у нас в основном не пыльная. Дежури́м посменно на станции. Контролируем уровни облучения персонала. Определяем им режим (время) работы, исходя из радиационной обстановки на месте работы, которую сами же и измеряем. Иногда участвуем в составлении картограмм дозных полей на оставшихся «грязных» объектах. Сейчас здесь полная, предельная доза для работающих — 10 р. Я думаю, мы до этого предела не доберем.

Живем в бывшем общежитии ПТУ, втроем в комнате. Кормят здесь очень хорошо. Бесплатно, практически без ограничений в количестве и весьма качественно. Желудок мой, по крайней мере, принимает местную пищу благосклонно. Объясняется это, как мне кажется, тем, что воровать здесь продукты (я имею ввиду работников столовых) совершенно бессмысленно. В зоне не сбудешь, так как никому не нужно, а за пределы зоны не вывезешь. Как бы так организовать общепит в обычных условиях? Крутом сады (Чернобыль в основном одноэтажный город) так, что яблوك и груш навалом. Свободного времени довольно много. Валера постоянно пропадает на рыбалке, мы с Юрой

тоже иногда с ним ходим. Места здесь просто замечательные. На Припяти чудесные белые песчаные пляжи, местами поросшие ивняком. Вокруг сосновые грибные леса. Я здесь познакомился: с одной пожилой парой. Они коренные чернобыльцы, оба на пенсии, не захотели жить в Белой Церкви, куда их переселили, устроились здесь на работу (чего-то сторожить) и живут в своей хате. Как они рассказывают про свой край! Как сокрушаются о том, что все это оказалось загажено.

У меня родился мрачный каламбур — Чернобыль — город будущего. Как бы этого в действительности не произошло.

В целом наши героические будни протекают довольно буднично. Уже изрядно соскучился по дому. Командировка у нас кончается 3 ноября. Но может удастся смотаться раньше. Передавай большой привет от героя Чернобыля Любаше. Привет Дану.

До свидания Сергей. 6.10.87 г.

Верно: [Підпис Ю. Мирошниченка] 12/X-87 г.

На документі резолюція Ю. Шрамка: «т. Сивцу Г.А. Пр[ошу] переговорить [Підпис] 17.XI.».

На документі резолюція Г. Сивця: «т. Нагиба С.Н. Для учета при анализе оперобстановки и подготовке материалов на Совет. Нач[альнику] УКГБ доложено [Підпис] 17.XI.».

На документі резолюція С. Нагиби: «т. Ламонов В.В. т. Жабченко С.А. Прошу проанализировать документ, использовать материалы. [Підпис]»

На документі резолюція В. Ламонова: «Гордиенко [...] [Підпис]».

На документі резолюція С. Жабченка: «тов. Мамин А.В. Согласно указания [Підпис] 27.11.87.».

ГДА СБУ. — Ф. 11. — Спр. 1478. — Т. 19. — Арк. 48–50.
Оригінал. Машинопис